

В начале 80-х годов я записывал «невдуманные рассказы» Али Яковлевны Савич, вдовы ближайшего друга Ильи Эренбурга писателя О. Г. Савича. Когда зашла речь о Таирове, А. Я. неожиданно спросила: «А вы знаете, что Алиса Коонен звала Илью Григорьевича «Душистый горошек»? Я этого не знал, оказалось, что этого не помнит и никто из близких Эренбурга.

Знакомство с перепиской Коонен и Эренбурга подтвердило, что «Душистый горошек» существовал не только в сфере устных обращений, но и в эпистолярном жанре (Эренбург принял это имя, и в письмах к Алисе Георгиевне подписывался им). Что же оно значило? Увы, литературная память ничего не подсказывала, и разгадка, как во-

АЛИСА ГЕОРГИЕВНА И ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК

Эренбург и Алиса. — 1995. — 29 июня — 6 июля (№ 25). — С. 14—15.

дится в таких случаях, пришла неожиданная.

Работая над комментариями к «Французским тетрадям» Эренбурга, перелистывая я в поисках каких-то персонажей Бальзака «Сцены частной жизни», и набранное курсивом «душистый горошек» бросилось в глаза сразу. Я перерыл страницы «Брачного контракта» — сомнений не было: «Душистый горошек» Коонен возник отсюда.

Герой бальзаковской повести Поль де Манервилль, получив большое наследство, приезжает в Париж, а затем, вернувшись в Бордо, становится там «признанным властителем моды». «Его знание светской жизни, парижские манеры, воспитанность, — повествует Бальзак, — привели в восторг «Сен-Жерменское предместье» города Бордо. Одна старая маркиза, говоря о Поле, употребила выражение, бывшее некогда в ходу при дворе, когда речь шла о молодых процветающих красавицах, франтах бывших времен, чьи манеры и язык служили законом для всех — она назвала Поля «душистым горошком».

Для того, чтобы стать «Душистым горошком», Полю де Манервиллю хватило происхождения, состояния и парижского лоска. Для того, чтобы быть «Душистым горошком» в Москве 40—50 годов Илья Эренбург, помимо десятилетия парижского опыта, нужно было еще редкое умение сохранить себя в атмосфере тотального контроля. Не будучи человеком подполья, идя на безусловные компромиссы с режимом, Эренбург позволял себе открыто любить то, что он любил, и открыто ненавидеть то, что ненавидел (недаром его московская квартира, как опасно шутил Фадеев, была последним оплотом формализма в СССР). Московский парижанин, Эренбург был тем человеком, чьи выступления (печатные и устные), суждения и оценки становились фактами общественной жизни 40—60-х годов.

Эренбург познакомился и подружился с А. Я. Таировым и А. Г. Коонен в холодной Москве 1920 года и с тех пор неизменно бывал гостем Камерного театра (в Москве, Берлине, Париже) и их дома. «Камерный театр нельзя себе представить без Алисы Коонен, — написано в таировской главе мемуаров «Люди, годы, жизнь», — эта добрая, душевная женщина на сцене терзала сердца зрителей: кто раз ее видел, помнит глаза, руки, голос...» Дважды Эренбург (отнюдь не профессиональный драматург) писал пьесы для Камерного театра — в 1925 году (Таиров не рискнул ее поставить и пьеса затерялась) и в 1947-м («Лев на площади»), оформленный Р. Р. Фальком, увы, не спас театр от разгрома.

Вернувшись из оккупированного гитлеровцами Парижа в Москву, Эренбург был восхищен Алисой Коонен в роли Эммы Бовари и за три недели до начала Отечественной войны написал в рецензии на спектакль: «Алиса Коонен еще ждет своей роли, и может быть мы ее увидим как героиню патристической и революционной трагедии грядущих священных боев».

26 декабря 1943 года Алиса Коонен из Барнаула, куда был эвакуирован Камерный театр, писала в столичную гостиницу «Москва», где тогда жили Эренбург и его жена Л. М. Козинцева

(их квартира в Лаврушенском переулке пострадала в первый же год войны): «Дорогая Любовь Михайловна, дорогой Горошек, очень давно не имеем никаких сведений о вас — мы дважды телеграфировали вам, я отправила вам, уже давно это было, коротенькое письмо — но ни ответа, ни привета от вас не пришло. Может быть, вы уже переехали в Лаврушенский?»

Статьи и стихи Горошка свидетельствуют о том, что, по-видимому, все у вас в порядке. Но все же хотелось бы очень что-нибудь о вас узнать более осязательно.

У нас, к сожалению, не все благополучно. Уже полтора месяца болен Александр Яковлевич воспалением печени и желчных путей. 3 недели пролежал в госпитале. Сейчас лежит дома и ужасно обижается и сердится на свою печенку, на кашу и кисели, и на упущенное время в разгар работы. Как раз сейчас мы работаем над интересным материалом — пьеса Паустовского, написанная специально для нашего театра и для меня в качестве героини пьесы, — и увы, сейчас работа прервана на гребне — и сбит весь план и выпуска спектакля и нашей поездки на фронт (мы должны были выехать с Таировым после премьеры на 10 дней на фронт) и всех дальнейших творческих планов.

Все перевернулось и сбилось в ком-ком.

Стараемся тем не менее не унывать и верить в хорошее и даже очень хорошее будущее.

Театр работает хорошо. Спектакли идут строго «столично» без всяких скидок на эвакуацию, что, короче говоря, требует огромнейших усилий. Публика нас очень любит, местные организации очень заботятся, морозы, правда, мало любезны и меньше 40° бывает редко, но сейчас мы переехали в квартиру — топим печи и, когда нет бурянов, живем уютно... но, конечно, мечтаем о Москве, и ведем серьезные переговоры по этому вопросу, т. е. помимо всего — климат Балхаша и Барнаула прямо противоположен бедному Таирову и он здесь, как и на Балхаше, сильно задыхается от морозов. Черкните нам, милые друзья, мы часто очень вас вспоминаем. Если Таиров сможет скоро приступить к репетициям — возможно, к концу января, он выпустит премьеру Паустовского, и тогда возможно в феврале увидимся в Москве.

Дорогая Любовь Михайловна, большая к вам просьба — если не затруднит — вышлите мне почтой книжечку стихов Эренбурга (им мне подаренная застряла в Москве). Мне очень хочется почитать его в концертах. А если есть что-либо у Горошка, что он сам считал бы подходящим для меня, — вышлите также. Здесь ничего нельзя достать. Горошек милый, неужели вам совсем-совсем не хочется подумать о пьесе? А вот мы с Таировым — думаем о пьесах, неизменно думаем о вас. И как это могло бы выйти хорошо. И как «скандально»! Ведь форма материала для спектакля (я понимаю, что вам было бы скучновато думать о традиционных «пьесах») может быть — любая...

И ведь — ваше время сейчас поговорить со сценой!

Не согласны? Вижу вашу усмешку, и рукой махнула, конечно: — «о, уж эти театральные люди!» — не обижайся — а все же подумайте, Горошек!!!

Мы вас оба крепко обнимаем обоих,

сердечный привет Ирине (дочь Эренбурга. — Б. Ф.) от нас. Напишите. Ваша А. Коонен.

В 1944 году к 30-летию Камерного театра Эренбург написал:

«Я не стану сейчас говорить о том, совпадают ли эпохи большого искусства с большими эпохами и уживаются ли музы с историей. Скажу о другом: климат исторических традиций — суровый климат. Он требует, как горы, крепкого сердца. Неудивительно, что мои современники столь любят большую трагическую актрису Алису Коонен. Ее игра приподнимает каждого из нас: мы понимаем лучше, в какое время живем. Может быть, и не всегда рождаются большие трагедии, но люди в большие эпохи особенно хорошо понимают большие трагедии. Трудно воспринять Федру, как драму среды: далеко, исключительно и по существу неинтересно. Но Федра — это поэтическая диаграмма больших страстей и больших мук. Такой ее дала Алиса Коонен. Она сумела открыть Расина комсомольцам, как она сумела сделать трагедию из ничтожной мелодрамы Скриба. Она заставила сердца, казалось бы окаменевшие в преддверии войны, усиленно биться от страданий сумасбродки Эммы. И трагическая Чайка, она показала нам, что среди земских врачей и густого быта великий Чехов тосковал о тех характерах, тех положениях, том пафосе, который возмущает людей над их повседневными заботами. Мне хочется сейчас поблагодарить актрису, которая помогла мне пройти по нелегкому пути этих десятилетий, поблагодарить и тот театр, где Алиса Коонен может быть Алисой Коонен». (Эта страничка сохранилась в архиве театра).

Послевоенные годы — горькие, безрадостные для подлинной интеллигенции страны. Вот характерная записка Эренбургу:

«Дорогие друзья, сердечно вас обнимаю. К большому сожалению, не сможем к вам заехать — Александру Яковлевичу ночью было очень плохо с сердцем (после вчерашнего совещания — с комитетом). Ночь мы все не спали и раскисли. Целую вас обоих и Ирину. Привет Савичам и всем, кто нас знает. Ваши А. Коонен, А. Таиров».

5 февраля 1949 года в ЦДЛ прошел творческий вечер Ильи Эренбурга (к 40-летию литературной деятельности) — это был достаточно дерзкий вызов захватившей страну погромной антисемитской кампании по «борьбе с космополитизмом». А. Я. Таиров выступил на этом вечере, а А. Г. Коонен написала Эренбургу милые стихи, переиначив письмо онегинской Татьяны:

Я к вам пишу, чего же боле, что я могу еще сказать? Теперь я знаю, в вашей воле Мне роль и пьесу написать. К моей актерской горькой доле Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня. Сначала я молчала хотела, Я слова б не произнесла, В могилу тайну б унесла, Когда б надежду я имела Хоть редко, хоть один в год раз На сцене нашей видят вас, Играть все реплики и речи, В смятенные плакать, а потом Все думать, думать об одном, И день и ночь до новой встречи. Но говорят — вы нелюбимы, В кино, в театрах вам все скучно, А мы, ничем мы не блещим,

Хоть вам и рады простодушно. Зачем вы написали «Льва»? В тени кулис, в огнях театра Я ведь не знала б вас, Илья, Как и Шекспира — Клеопатра. Души встревоженной волненья, Смирив со временем, как знать, Я, может, встретила б поэта, Играла б нежную Пьеретту, Иль добродетельную мать. Другой, нет, никому на свете Не отдала бы сердца я. То в высшем решено совете: Ты — автор мой, и я — твоя! Лукавый Лев мне стал залогом Свиданья нашего с тобой! Я знаю, ты мне послан богом, Илья, Илья, — ты автор мой! Ты в сновиденьях мне являлся, В Париже ты мне был уж мил, Твой чудный дар меня томил, В душе твой голос раздавался Давно. — Нет, это был не сон,

Ты написал, я прочитала, И «Буря» в сердце заплыла, И всплывала — вот она!..

В 1949 году ждавший ареста Эренбург тяжело переживал ликвидацию Камерного театра, сочувствовал горю Таирова и Коонен. На похоронах Александра Яковлевича после речи Завадского, по бумажке перечислявшего идейные ошибки покойного, Эренбург с характерной для него силой сказал, что у гроба художника кончатся все споры и остается лишь сделанное им.

После смерти А. Я. Таирова Эренбург продолжал поддерживать дружеским участием А. Г. Коонен; используя свой официальный ранг, он ходатайствовал о сохранении таировского архива и издания его наследия. Великая трагическая актриса XX века Алиса Коонен после уничтожения Камерного театра оставила сцену, но и работая на радио, испытывая унизительные подчас придирки и непонимание; и здесь ей приходилось обращаться за помощью к Эренбургу. Вот характерный пример.

«24 ноября 1961 г. Главному редактору Литературного вещания. 12 декабря с. г. исполняется 140 лет со дня рождения одного из крупнейших французских писателей Гюстава Флобера. Общество «СССР — Франция» высказывает пожелание, чтобы в течение декабря литературное вещание радио повторило передачу «Мадам Бовари», чтобы отметить эту дату.

С уважением И. Эренбург, президент общества «СССР — Франция».

Письмо А. Г. Коонен раскрывает подоплеку этого обзывающего обращения:

«Дорогой Илья Григорьевич, сердечно благодарю Вас за письмо в редакцию Радио. Оно оказалось возвышенным и назавтра назначена передача «Бовари» (9 ч. 5 мин. вечера), правда, по 3-ей программе, ущербно, не все услышат, но все же и это имеет значение.

Дело в том, что главный редактор литер. вещанья — законченный кретин: объясняя на заседании, почему он против передачи «Бовари», он заявил, что

1) этот роман — не лучшее произведение Стендала (II)

2) что иностранная классика вообще никому не нужна

и 3) что политика Франции — враждебна (III)

Вот в силу чего я и решила обратиться к Вам за помощью. Еще раз благодарю Вас от себя и от актеров, занятых в передаче спектакля.

Ужасно я огорчена, что не смогу сегодня быть в ЦДРИ — уже неделю болен гриппом с температурой, и вынуждена сидеть дома.

Жалею бесконечно, что не увижу Вас и не услышу.

Для меня каждая встреча с Вами — дорога и радостна, ведь мы не видимся долгими месяцами...

Обнимаю Вас от души, желаю на грядущий год много благополучия и богатейшего здоровья.

Пусть хранят Вас все добрые силы — какие есть на свете!

Сердечный привет Любови Михайловне. А. К.

На излете оттепели Эренбургу тоже приходилось нелегко. В марте 1963 года с небывалой яростью обрушился на него «сам» Хрущев (с подачи аппаратчиков ЦК и Союза писателей). Было остановлено печатание мемуаров «Люди, годы, жизнь»; само имя Эренбурга вы-

черкивалось отовсюду. В эти дни Алиса Коонен написала ему:

«Дорогой Илья Григорьевич, все это время я много о Вас думаю, многое вспоминала и из нашей жизни, и мне очень хотелось Вас увидеть, хоть на минутку, и Вас обнять, но я — болею (болит нога). Три недели была прикована к постели и только сегодня вышла первый раз из дому постоять у подъезда и глотнуть немного воздуха. Шлю Вам свои самые добрые, самые нежные чувства, и горячо желаю (как и все Ваши друзья, конечно), чтобы Вы поменьше обращали внимания на злые силы, которые неизбежно толпятся на пути каждого большого художника, и берегли бы свое здоровье и силы! Они

ГОРОШЕК

Вам очень нужны для больших дел, не стоит тратить на маленькие.

В «Адриенне Лекуверр» друг Адриенны актер Мишле говорит ей: «Помни, любовь пройдет, а хорошая роль останется навсегда и будет вызывать восторг зрителей!»

Если перефразировать эти простые, мудрые слова, хочется сказать Вам: неприятности пройдут, а хорошая книга останется навсегда и будет волновать и увлекать читателей!

Это — большое утешение.

Душевно обнимаю Вас и целую Любовь Михайловну

Ваша Алиса Коонен.

22 декабря 1965 года Эренбург выступил в ВТО на вечере, посвященном 80-летию А. Я. Таирова. Его речь (как и выступление Н. П. Акимов) стала ярчайшим событием этого вечера. После убийственного еля председательствовавшего И. М. Туманова, слова Эренбурга прозвучали резко и убедительно: «Театр — величайшее искусство, но самое смертное. Театр умирает ночью после спектакля. Молодые люди, которые находятся в этом зале и не видели Камерного театра, не знают его и рассказать о нем невозможно... Театр как роза осыпается, а искусственные розы — для людей иных, чем Таиров. И есть у нас такие искусственные розы, которые якобы напоминают давно сорванные и отцветшие, и которые окружены всеми титулами (аплодисменты). На которые все ссылаются и которые тоже уже не живые цветы, а цветы из пластмасс. Я поспорию с председателем нашего собрания, что наш театр живет теперь ежедневно, ежедневно заветами Таирова. Это неправда. Их вытравили и вытравливают довольно долго. Где они, эти заветы Таирова, в каком театре?»

Вспоминая «дискуссию» 40-х годов, Эренбург сказал: «Зачем только называть это диспутами? Это был суд, когда обвиняемый должен был дискутировать с прокурором, и он знал, что значит прокурор, и что значит он сам».

Вскоре Илья Григорьевич получил письмо:

«Дорогой Горошек, будьте здоровы и благополучны в новом году, обнимаю Вас от всего любящего Вас нежно сердца, и еще раз спасибо Вам большое за Ваше выступление, которое было бесконечно дорого мне и вызвало большой отклик и среди молодежи и даже в самых заскорузлых сердцах.

Обнимаю Вас с любовью Алиса Коонен».

Эренбург ответил, как всегда, очень коротко:

«3 января 1966. Дорогая Алиса Георгиевна, большое Вам спасибо за память, и за слова о моем выступлении. Мы оба от души желаем Вам здоровья, душевного покоя и счастья в новом году. От души Ваш И. Эренбург (Душистый горошек)»

Это его последнее письмо Алисе Коонен.

Борис ФРЕЗИНСКИЙ.

● Фотография из архива И. Эренбурга.